

БИБЛИОТЕКА

№ 46

1961

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БОР ЗВЕНИТ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 46

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

БОР ЗВЕНИТ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1961

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

Людмила Константиновна Татьяничева родилась в декабре 1915 года в городе Ардатове, Мордовской АССР.

С десяти лет живет на Урале.

Работала токарем по металлу, журналистом, директором книжного издательства.

Окончила Литературный институт имени Горького. Первая книга Л. Татьяничевой, «Верность», вышла в 1944 году. В послевоенные годы издано около двадцати стихотворных сборников, в том числе: «Родной Урал» (1950 г.), «Вишневый сад» (1954 г.), «Синегорье» (1958 г.), «Лирические строки» (1960 г.), «Малахит» (1960 г.), «Самое заветное» (1961 г.).

Л. Татьяничева — член КПСС с 1941 года.

ЗАВИДНЕЕ ДОЛИ НЕ ЗНАЮ

Кудрявое дерево дыма
Не тает в густой синеве.
Все дорого мне и любимо
В уральской родной стороне.
Она красотой неброской
Красуется —
Вся на виду!
С задумчивой русой березкой
Я давнюю дружбу веду.
Я знаю, как зреют колосья
На стеблях июньских дождей.
И счастлива, что довелось
Мне жить среди добрых людей,
Которые чтят, как присягу,
В труде,
В справедливом бою
И верность октябрьскому флагу
И русскую песню свою.
Завиднее доли не зная,
Мечтаю о чести такой:
Достойной быть отчего края
Идущей от сердца строкой.

ОТЧИЗНЕ

И в самом обычном наряде
Мила ты, Отчизна, до слез.
К лицу тебе русые пряди
Твоих ненаглядных берез.

К лицу тебе снег твой алмазный,
Твой каждый ромашковый лог.
А как молодит тебя красный
Октябрьского знамени шелк!

УРАЛ

Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.
Как девочки,
Сосны босые
Сбегают с заснеженных скал.
В лугах,
На ковровых просторах,
Среди плодоносных полей
Лежат голубые озера
Осколками древних морей.
Богаче, чем краски рассвета,
Светлее, чем звездный узор,
Земные огни самоцветов
В торжественном сумраке гор.
Я сердцем все это вбирала,
Свой край полюбив навсегда.
Но главная сила Урала —
В чудесном искусстве труда.
Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте,
Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.
Мне дороги лица простые
И руки, что плавят металл.
...Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.

ГУДКИ

Гудки, гудки,
Ваш голос зычный,
Будивший в юности меня,
Вошел подробностью привычной
В порядок трудового дня.

Уже на грани пробужденья,
Еще не встретясь с новым днем,
Как скорый поезд отправления,
Приказа вашего мы ждем.
Когда я слышу на рассвете:
— Готов к труду!
— Готов к труду-у!
Мне громко хочется ответить:
— Уже иду!
— Уже иду!
И я спешу друзьям навстречу,
Навстречу дню больших работ.
В пути едва ли я замечу
Седого вечера приход.
Звезда опустится на крышу,
Я среди близких голосов,
Быть может, даже не услышу
Ваш удаляющийся зов.
Но мир труда, широк и светел,
Услышит ваш призыв к труду,
И за меня мой сын ответит
Всей силой юности:
— Иду!

* * *

Не на глянцево-черной доске,
Не в линованной школьной тетради —
Мы учились писать на песке
Да на снежной нетронутой глади.
Пусть букварь был нам мало знаком,
Мы коммуны постигли начало:
Большевистских знамен языком
Революция нас обучала.
И, наморщив по-взрослому лбы,
В жгучий снег упирая колени,
Мы писали, что мы —
Не рабы,
И что вождь революции —
Ленин.

ХЛЕБ

Не даль морская,
И не в звездах небо,
И не цветы земли моей родной,
А снилась в детстве мне краюха хлеба —
Простого хлеба из муки ржаной.
Двадцатый год.
Потопанное жито.
Большой войны кровавые следы.
Я, как другие, ела не досыта
Тяжелый хлеб из горькой лебеды.
Тогда еще я вряд ли понимала,
Понять такое может только мать,
Как глубоко страна моя страдала,
Не в силах детям даже хлеба дать.

О ЛЕНИНЕ

Я сиротой осталась в лихолетье —
В суровые голодные года.
И что такое вечность и бессмертье,
Понять не в силах я была тогда.
И даже в дни великого прощанья
В смятенном сердце не могла вместить
Скрепленного присягой обещанья,
Что Ленин жив и вечно будет жить.
Лишь вникнув в мудрость ленинского слова,
Узнав, как верен партии народ,
Я увидела Ленина — живого!
И поняла, что Ленин не умрет.

ГЛИНЯНЫЕ КУКЛЫ

В. М. Инбер

В смешных рубашках из холстины,
Навырост сшитых нам до пят,
Лепили мы из желтой глины
Забавных маленьких кукулят.
А хлеб, он был лишь не у многих.
Разруха. Голод. Нищий быт...

У наших кукол тонконогих
Был непомерный аппетит.
И мы на них ворчали:
— Дуры,
Чем вас кормить в конце концов?!
...Лепили детство мы с натуры,
Не зная лучших образцов.

ТЕТЯ НАСТЯ

Здесь был в чесги обычай древний:
Под медный колокольный звон
Плыл от деревни до деревни
Надрывный голос похорон.
Слезой глаза себе не застя,
Не морща строгого лица,
Умела плакальщица Настя
На части разрывать сердца.
Война сынов ее скосила.
Что жить, что нет — ей все равно.
Она по мертвым голосила,
Все слезы выплакав давно.
За стертый грош,
За корку хлеба
Да за посулы без отдач
Она в невидящее небо
Бросала свой протяжный плач.
А по ночам в тоске гнетущей,
О вдовах, сиротах скорбя,
Корила бога:
— Всемогуций,
Чем прогневили мы тебя?
...Еще горячий после боя,
Граненый штык зажав в руке,
Октябрь принес в село глухое
Зарю на сломанном древке.
И от лица Советской власти
Вручил нам ленинский декрет
О мире,
О земле,
О счастье
На сотни и на тыщи лет.

Всей силой памяти нелгущей
Навек запомни:
Холод. Темь.
Людей взволнованно поющих:
«Кто был ничем, тот станет всем».
Нестройно, радостно и смело,
Сминая злобу кулаков,
Мое село впервые пело
Победный гимн большевиков.
И золотой пшеничный колос
К серпу и молоту принял.
И влился в песню Настин голос,
Как полный звездами родник
Омыв лицо слезами счастья
И не скрывая слез своих,
Со всеми пела тетя Настя
О светлой участи живых.

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ

Двадцатый год
Двадцатого столетья...
Точнее даты не найдете вы.
В рабочий городишко над Исетью
Приехали артисты из Москвы.
В честь их приезда не гремели трубы,
Но ждали их рабочие давно.
В том городишке не было ни клуба,
Ни даже захудалого кино.
Не помнили,
Не слышали в народе,
Чтоб пела здесь скрипичная струна...
Концерт решили проводить в заводе,
В кузнечном,
У застывшего горна.
Огонь в горне задущен был разрухой.
Он у рабочих на глазах зачах.
И только ветер
Заунывно-глухо
Стонал порой в простуженных мехах.
...Из досок сбили сцену для артистов.
Фанера сукна заменила им.
Впускали билетеры металлистов
По жестяным жетонам заводским.

И началось...
До самой поздней ночи
Здесь шел искусства небывалый пир.
Впервые скрипки пели для рабочих,
Сердца впервые потрясал Шекспир,
Летели тройки во широком поле,
Шумела рожь,
Звенел лукавый смех...
То песен русских буйное раздолье,
Как жизнь сама,
Заполонило цех.
Цвела душа у трудового люда.
Ладонь устала хлопать о ладонь.
И в ту же ночь
Свершилось в цехе чудо:
В горне кузнечном запылал огонь!
Концерт молвою превращен в преданье...
Артистов тех,
Что выступали тут,
Хотя не всем присвоено им званье,
Народными артистами зовут.

ЖАР-ПТИЦА

Поднималась спозаранок,
Пол скребла,
Овец пасла.
Словно ласточка-подранок,
Ты в чужой семье росла.
Столько горя натерпелась,
Что хватило б про запас.
До чего ж тебе хотелось
Вдоволь выспаться хоть раз!
Да спокойно,
Без опаски,
Будто рядом мать с отцом,
Что пришли к тебе из сказки
С замечательным концом.
Сказок ты немало знала,
Только не было такой,
Чтобы вправду подсказала,
Как разъехаться с бедой,

Как разделаться с кручиной
И уйти из нищеты,
Ладной вырасти дивчиной
Из горюхи-сироты.
Хоть бы хлебом не корили
Да своя была б изба...
Не из сказки,
А из были
Шла к тебе твоя судьба.
И не шагом шла,
Скакала
На буденновском коне!
Вешним солнцем полыхала
Весть о мире на земле.
Никакая там цыганка
Не дерзнула б нагадать,
Что из ласточки-подранка
Ты жар-птицей можешь стать!
Станешь тем,
Кем стала ныне,—
Человеком новых дней.
А твое простое имя
Гордость Родины твоей.

О МИРЕ

Пусть не в меня в прямом бою
Вонзался штык чужой огранки,
Прошли сквозь молодость мою
Года, тяжелые, как танки.
О трудный марш очередей
За хлебом, клеклым от бурьяна,
И над молчаньем площадей
Суровый голос Левитана...
А дети в ватничках худых,
А вдов опущенные плечи!
Нет горше будней фронтовых,
Но эти — вряд ли были легче...
Ты знаешь это. Ты видал
Цеха бессонные, в которых
Из гнева плавился металл,
А слезы превращались в порох.

* * *

Вдали от синих гор Урала,
В руках сжимая автомат,
Спокойно смотрит с пьедестала
От солнца бронзовый солдат.
Он дышит вольным ветром жизни.
Над ним не кружит воронье.
Не клялся он в любви к Отчизне,
Он просто умер за нее!

МИННЫЕ ПОЛЯ

Прозрачны дали.
И ветра спокойны.
От ржавых мин очистилась земля.
Но, отступая, оставляют войны
Воспоминаний минные поля.
В людских сердцах лежат они незримо.
Их не найдет искуснейший минер.
В них скрыта боль о близких и любимых,
О муках,
Не забытых до сих пор.
Как много надо приложить стараний,
Как надо нам друг другом дорожить,
Чтоб обезболить боль воспоминаний
И память о погибших сохранить.

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

У грубого, простого обелиска
Остановилась и склонилась низко.
Волной тяжелой волосы седые
Упали ей на плечи молодые.
Могилу неизвестного солдата
Цветами убрала она богато —
Гвоздикой красной,
Медоносной кашкой,
Шиповником
Да белою ромашкой.

Потом она присела в изголовье
И песни пела горестные, вдовьи.
Она, наверно, для того их пела,
Чтоб сердце от тоски не онемело.

САХАР

Ах, что за кони,
Песня-кони,
Краса колхозного двора!
Пиленым сахаром с ладони
Их угощает детвора.
А мать,
Слегка раздвинув ставни,
Любуясь, смотрит на ребят.
И вдруг воспоминаньем давним
Заволокло лучистый взгляд.

...Столбы огня.
Завеса пыли
И рукопашный у леска.
Изгнав врага,
В село вступили
Советской Армии войска.
Их путь лежал теперь к Берлину
И был один приказ:
— Вперед!
Три года, бесконечно длинных,
Минуты этой ждал народ.
И брали на руки солдаты
Из материнских рук детей,
Их угощая, чем богаты,
По-фронтовому, без затей.
Какие у солдат излишки!
И все ж, обшарив свой мешок,
Сержант трехлетнему парнишке
Подносит сахару комок.
А тот губенки сжал в обиде
И, отвернувшись, засопел.
Мальш впервые сахар видел
И думал — это просто мел...

Ах, что за кони,
Песня-кони,
Краса колхозного двора!
Пиленым сахаром с ладони
Их угощает детвора.

СТАРШОЙ

На витрине, праздничны и яркие,
Разместились разные подарки.
Что купить на первую получку:
Галстук, портсигар, иль авторучку,
Или для насмешницы-девчонки
Перстенок, хотя бы самый тонкий?
Но ни с чем идет парнишка к дому.
Поступить решил он по-другому.
По-хозяйски, как отец когда-то:
— Вот вам, мама, вся моя зарплата,
Тратьте со спокойною душой!
...В этом доме снова есть старшой.

МАЛЬЧИШКА

Ладонью заслонясь от света,
Сидит мальчишка.
Тишина.
И вдруг волшебное:
— Ракета
Достигла станции Луна.
Он, оторвавшись от тетрадок
И губы вытянув смешно,
Сказал с достоинством:
— Порядок!
Как будто так и быть должно.
Должно быть так,
А не иначе.
И удивительного нет,
Что это нами,
Нами начат
Штурм неразгаданных планет.

Его за скупость не корите:
Мальчишка сдержан потому,
Что продолжение открытий
Эпоха вверила ему.

КОСМИЧЕСКАЯ ПЫЛЬ

Как глобус,
Шар земной пылится.
Оставив в небе тонкий след,
Летят к нам быстрые частицы
Иных миров,
Иных планет.
Тех, что за облачною дымкой
Горят в космической дали,
Стремясь хоть малою пылинкой
Коснуться жителей Земли.

ЧЕКАНЩИК

Передает литейщик чугуну
Пластичность форм,
Стремительность движенья.
Но лишь чеканщик может дать ему
Необщих черт живое выраженье.
Чтоб в чугуне однажды ощутил
Ты теплоту пульсирующей крови,
Искусный мастер, не жалея сил,
С литья снимает лишние покровы.
Чеканом оживляет он черты,
Отлитые литейщиком в металле,
Чтоб красоту живой его мечты
Мы в каслинской скульптуре увидали.

ЧАСОВОЙ МАСТЕР

Часы стучат устало,
С одышкой идут.
В их зубчиках застряло
За сутки пять минут.

Сквозь крошечные шлюзы
Промчался дней поток...
А мастер
Стар и грузен.
В часах он знает толк.
Среди пружинок гнутых
И микрошестерен
Застрявшие минуты
Сквозь линзы ловит он.
Подобен мастер богу,
Когда вершит свой труд..
И снова с жизнью в ногу
Часы мои идут.

СОВСЕМ КАК В ЮНОСТИ

Совсем как в юности, тревожит
Меня простор родных полей.
И день, что мной еще не прожит,
Мне дня минувшего милей.
Не потому ль, что в час рассвета
Лучами кажутся пути,
И песня лучшая не спета,
И жизнь, как прежде, впереди?

* * *

Пустынные земли безруки.
Им трудно себя уберечь
От стужи,
От яростной вьюги,
От зноя,
Готового сжечь.
И счастлива видеть теперь я:
В степях,
Потеснив ковыли,
Растут молодые деревья —
Веселые руки земли.

ЗОЛОТИНКА

Я пришла сюда издалека.
Удивилась:
Где же здесь река?
Где же здесь речушка Золотинка?
Мне с тоской поведала рябинка:
— Жарким летом к реченьке-реке
Прибежали ивы налегке.
Умоляли:
«Милая сестрица,
Нам дозволь воды твоей напиться,
Вымыть босы ноги добела,
Поглядеть в живые зеркала...»
Стала сохнуть речка год от году.
Это ивы выпили всю воду.
Исушили, светлую, до дна,
А была она у нас одна...
...Я утешу тонкую рябинку,
Оживлю,
Верну ей Золотинку!

КОЛОСОК

Проходят тучи мимо, мимо.
И вновь ни облачка.
Теплынь.
Напоминает клочья дыма
Сухая, серая полынь.
Земля как будто онемела.
На крепкой ножке, невысок,
С горячим ветром спорит смело
Тугой пшеничный колосок.
Большой родни своей достоин,
Загаром бронзовым покрыт,
Он в эту степь пришел как воин
И как отважный следопыт.
И пусть, бесплодьем угрожая,
В жгуты свивается песок,
Стоит полпредом урожая
На новых землях колосок!

МЫ ЖДАЛИ СНЕГА

Уже декабрь ветрами дул,
А в предрассветной мгле
Бурана отдаленный гул
Катился по земле.
Лежала степь под коркой льда
И не могла заснуть.
Вбивали клинья холода
В ее живую грудь.
Зеленых всходов не щадя,
Шли тучи стороной...
Мы ждали снега, как дождя
Ждут в нестерпимый зной.
Мы ждали снега:
— Поскорей
Свои войска веда,
Посевы наши обогрей,
На пашни упади!
Мы ждали снега.
Весь район —
Сто тысяч человек.
И наконец явился он,
Наш долгожданный снег.
Быть может, снежная Сибирь
Его послала в путь?
Он шел во всю степную ширь
И вырос нам по грудь.
И отогрелась наша рожь,
Хотя мороз окреп.
А снег?
Он сделался похож
На пышный белый хлеб.

ПАДУН

Мне говорили, что Падун,
Как дикий зверь, ревет.
Струей тяжелой, как чугун,
По валунам он бьет.
Так грозен этих струй разбег,
Так слеп их ярый гнев,

Что и неробкий человек
Шел мимо, оробев.
Немало сложено о нем
Сказаний в старину...
Горячим августовским днем
Пришла я к Падуну.
А день от грохота оглох.
Рокочет кранов бас,
Ссыпает камни, что горох,
Неторопливый «МАЗ».
Я слышу звон железных плит
И дробных звуков град,
Но я не слышу, как гремит
Падунский водопад.
Беззвучно рушится на дно
Тяжелых брызг бурун.
Как будто бы в немом кино
Смотрю я на Падун.
Он выглядит почти ручным,
Он стал неслышным здесь,
Где над кипением речным
Грохочет стройка ГЭС.

АНГАРСК

По дорогам беленым
Березки бегут.
Белый цвет и зеленый
Здесь тон задают.
Белый цвет —
Это зданий
Упругий бетон.
Это
Строгие грани
Дворцовых колонн.
Тени елок веселых
Лежат на крыльце.
Здесь дома-новоселы
В зеленом кольце.
Здесь, склоняясь над крышей,
По-дружески щедр,
Тихо ветви колышет
Задумчивый кедр.

Он не ждет,
Чтоб мальчишки
Пришли на поклон:
Сам кедровые шишки
Кладет на балкон...
Этот город из сказки
Пришел к нам в тайгу.
Его светлые краски
В душе сберегу.

САРАНА

И. И. Молчанову-Сибирскому.

На выставке цветов моей страны
Я не встречала яркой сараны,
Той, что растет среди тайги зеленой,
А не в садах,
Не на земле холеной,
Где нежится, достоинство храня,
Ее высокочтимая родня.
Дивилась в первый раз ее красе я
В долинах Ангары и Енисея,
На склонах гор студеного Байкала,
Она цветет то огненно, то ало.
Сибирь бы мне увиделась иною,
Не встретить я с волшебной сараною,
В глубоких падях,
Там, где среди лета
Гуляют вихри, не страшась запрета,
А девушки, поднявшись спозаранку,
Вплетают в косы лилию-саранку.

СОСНА

Привыкшая к железным скалам,
К дыханью каменных пород,
Сосна к подножью домны встала
И загляделась на завод.
Восходит зарево над ней,
Вокруг гремят, рождаясь, громы,

Она среди живых огней
Себя здесь чувствует как дома.
Ей домна кажется скалой
У края огненной стремнины.
И хочется сосне самой
Добраться до стальной вершины.

КОРАБЕЛЬНЫЙ БОР

Все чаще снится мне
Мой корабельный бор.
В надгорной вышине
Раскинул он шатер.
У ног его простерт
Седой гордец Урал.
Здесь куст и тот растет
Веками,
Как кристалл.
Здесь бродит тишина
Бесшумная, как рысь.
Здесь каждая сосна
Бросает шапку ввысь.
Упрямый, как гранит,
Стоит на гребне гор
И день-деньской звенит
Мой корабельный бор...

КОЛЬЦА

В могучем солнечном бору
Есть дерево одно.
Умру, и тотчас топору
Подставит грудь оно.
Так жадно любящее жить
Подставит смерти грудь,
Чтобы достойно снарядить
Меня в прощальный путь.
Ему как будто суждено
Дать мне последний кров,
Как на Руси заведено
Еще спокон веков.
Хотела б я в густом бору
То дерево сыскать,

Щекой согреть его кору
И так ему сказать:
— Пускай нас слушает весь бор,
Подняв свою хвою,
Я не хочу, чтоб тот топор
Вонзался в грудь твою.
Прекрасна жизнь.
И не расчет
Лишаться солнца нам.
И потому должны мы счет
Продлить своим годам.
Пусть время дышит нам в лицо,
Ведет из боя в бой
И мечет за кольцом кольцо
На ствол янтарный твой.

* * *

Я свою лесную родину
Вспоминаю всякий раз.
Черноглазую смородину
Полюбил там строгий вяз.
Не спешит она с ним встретиться,
Но, как звезды-светлячки,
Сквозь листву призывно светятся
Ягод черные зрачки.
Чаровницу черноокою
Не забудет строгий вяз.
Я любовь мою далекую
Вспоминаю каждый раз...

ЗИМА

Зима мила без оговорок
Мне непорочной белизной,
И крутизною снежных горок,
И льда зеркальной прямизной.
Но во сто крат мила, пожалуй,
Мне тем, что каждому из нас
Она дает на срок немалый
Душевной свежести запас.

Мы, словно поле распашное,
В себя вобравшее снега,
Не раз почувствуем средь зноя,
Как эта свежесть дорога...

ЗИМНЯЯ ЗАРЯ

Заря купается в снегу
За рощицей березовой.
И снег на утреннем лугу
Цветет гречихой розовой.
Светлеют темные сады
И ельники зубчатые.
А чьи-то лыжные следы,
Как две строки печатные.

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Еще крепки морозы поутру,
А лед на реках прочен и зеркален,
Но кольцами темнеющих проталин
Деревья окольцованы в бору.
Бор оживает.
Дышится легко,
Поют синицы молодо и звонко.
На усиках у сосунка-зайчонка
Белеет, остывая, молоко.
Грачи открыли свой веселый клуб.
На просеке,
Под елью вырезною,
Свиданья ждет с ровесницей-весною
В сиреневых потемках лесоруб.

ВЕСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Весенним днем,
Дорогою недалней
Идет девчурка к школе музыкальной.
Несет, как куклу, маленькую скрипку,
Улыбкой отвечает на улыбку.

В ее глазах, по-детски изумленных,
Трепещут листья тополей зеленых,
В ушах звучит широкая, как дали,
Мелодия,
Каких не задавали.

ИЮЛЬ В ТАЙГЕ

Полон ягоды подол
У лесной поляны.
Охраняют тиходол
Сосны-несмеяны.
У оленя на губах
Алый сок клубники.
И запутался в рогах
Колокольчик дикий.

* * *

Играют лани на лугу в пятнашки
И убегают прятаться в лесок.
Хитрец-июль распродает ромашки
По две улыбки за один цветок.
Улыбок за год сберегла я много...
С печалью я об этом говорю.
Скорей же в путь!
Знакома мне дорога.
Скуплю весь луг —
И сразу раздарю.

ОСЕНЬ

День ото дня редет неба синь.
Тень облаков над озером нависла.
И ветер с пламенеющих осин
Срывает листьев праздничные числа.
Трубят, курлычат в небе журавли
И, разрезая крыльями пространство,
Следят, как растворяется вдали
Родных полей осеннее убранство,

Холмы, и гор обветренные лбы,
И бор, где бродят сытые медведи,
Где белки сушат на зиму грибы
На звонких пнях, откованных из меди.
...Мне жалко птиц.
Чем далее от нас,
Тем все скудней деревьев позолота..
О, если б им,
Хотя единый раз,
Нарушить сроки своего отлета
И здешних зим увидеть серебро,
Узнать, как хорошеет вся округа,
Когда роняет белое перо
Царевна Лебедь —
Северная вьюга!

МИНУТА

Светлеют сумерки седые,
Зарей окрасились снега.
О, если б знали молодые,
Как жизнь бесценно дорога!
Любая малая минута,
Что обронили мы в пути,
Могла бы жизнь спасти кому-то,
Пшеничным колосом взойти!

* * *

На ночь горы сдвигаются ближе.
Уплотняется рек оком.
По ночам я отчетливей вижу
Все поступки, свершенные днем.
Каждый шаг проверяю на совесть.
О промашках сужу напрямик....
Дня минувшего слитную повесть
Испещряю я, как черновик.
Сокращения. Дописки. Помарки.
Больше света!
Прозрачнее тень...
Я стремлюсь, чтобы полным и ярким
Оказался мой завтрашний день.

* * *

Что это:
Пыльная вязь паутинок,
Цвель прогорклой воды из копытного следа,
Или сведенный вничью поединок
Черного цвета и белого цвета?
Я не встречала в русской природе
Серой гвоздики и серой брусники.
Не приживаются в нашем народе
Серые мысли и серые книги,
Чтоб ярче мечталось,
Раскованней пелось,
Чтоб были и души
И лица красивы,
Мы вытесняем унылую серость,
Словно полынь, с золотой нашей нивы.

* * *

А. Д. Коптяевой.

У русских женщин есть такие лица:
К ним надо приглядеться не спеша,
Что б в их чертах могла тебе открыться
Красивая и гордая душа.
Такая в них естественность, свобода,
Так строг и ясен росчерк их бровей...
Они, как наша русская природа:
Чем дольше смотришь,
Тем еще милей.

НАЗЫВАЛИ БРОШЕНКОЙ

Анне Ф.

Слово-то какое выдумали:
Брошенка.
Только это слово
Выдумали зря.
Весело смеется
Твой сынок Алешенька,
Над тобой вполнеба
Светится заря.

Лучшая работница,
Первая красавица,
На виду ты выросла
У всего села.
В поле все девчата
По тебе равняются,
Спрашивает область:
«Как твои дела?»
И роятся вести,
Всю округу радуя,
Про твои задумки,
Про твои труды...
Называли брошенной
Свахи языкатые,
Да умолкли, будто
Взяли в рот воды.
Что им зря шушукаться
О судьбе-разлюбице?
Ты сумела сладить
Со своей бедой.
Все, что ни загадано,
Неприменно сбудется
В доле твоей светлой,
В жизни молодой.

* * *

В саду,
Среди листвы зеленой,
В грацином радостном граю,
Мужчина с болью затаенной
Глядит на спутницу свою.
Уже любви не обещает
Ему весенняя заря.
С ним рядом девушка скучает,
Себя за встречу с ним коря,
На седину,
На плеч сутулость,
На щеки в ссадинках бритья
Ее глазами смотрит юность
Бескомпромиссна,
Как судья.

РУССКАЯ ДЕВУШКА

Ей восемнадцать лет, не боле.
Вишневый рот.
Лучистый взгляд.
Как у березки в чистом поле,
Красив и прост ее наряд.
В зеленой кофточке из ситца
На круг выходит не спеша.
Вздыхают женщины:
— Царица...
Бледнеют парни:
— Хороша!
Она ребят не замечает:
Хоть в ноги падай,
Хоть кричи.
Пока один лишь ветер знает,
Как эти губы горячи,
Да разве солнце, что вплетает
Ей в косы спелые лучи.
У всех девчонка на примете.
Строга, приветлива, скромна.
Еще любимого не встретив,
Она ему уже верна!

МАМА

Как часто невниманьем обижаем
Мы в юности отцов и матерей!
Домой из института приезжая,
К своим друзьям торопимся скорей.
На завтра отложив все разговоры,
Едва успев костюм дорожный снять,
В заречные зовущие просторы
Стремглав летим мы детство догонять.
В своих подруг бросаем мы цветами,
Забыв нарвать для матери букет.
А мать нас ждет.
Живет и дышит нами,
Обновы шьет,
Готовит нам обед.
Нас держит лес.
Не отпускает Кама.
Уже темно.
Пужинать и спать.

И лишь во сне мы повторяем: «Мама»,
И наши сны оберегает мать.
А ночь идет, всю землю обнимая,
Баюкая уснувшие дома,
Но мать не спит.
Я это понимаю
С тех пор, как стала матерью сама!

ДЕВЧОНКЕ НЕ СПИТСЯ

Кричит сова — ночная птица.
По-детски плачет козодой.
Все спят в палатке,
Лишь не спится
Одной девчонке молодой
Что за напасть?
Какое горе?
О чем тоскует до утра?
Ночной степи глухое море
Вброд переходят трактора.
Лучами фар осеребренный,
Их путь похож на Млечный Путь.
Быть может, говор их бессонный
Мешает девушке уснуть?
Иль песни отзвук отдаленный,
Иль, может, звезд глубинный свет?
К чему гадать?
И я влюбленной
Была в свои семнадцать лет.
Какое счастье до рассвета
Не спать, мечтая,
Тосковать,
Еще и в мыслях чувство это
Любовью не посмея назвать!

* * *

В угоду женщине неумной
Он то не замечает мать,
А то вдруг мелочно и шумно
Ее возьмется укорять
За то, что расшалились дети
И пригорело молоко.

Не потому ль она в ответе,
Что обижать ее легко?
Она все стерпит без упрёка,
Не проклиная,
Не грозя,
И только, может, раньше срока
Закроет добрые глаза.
И сыну станет все постыло...
Поймет он,
Подавляя стон:
Обид, что мать ему простила,
Себе простить не может он.

ЗЕЛЕНЬЕ КОСТРЫ

На земле, где только ягель рос,
Где стучал копытами мороз,
Где ветра внезапны и остры,
Мы зажгли зеленые костры.
Греют землю наши зеленя.
Их листва, как язычки огня.

ЛИЛИЯ

Я увидала лилию речную
В трамвае,
У рабочего в руке.
Он направлялся, видимо, в ночную —
В ботинках грубых,
В старом пиджаке.
Ни возраст,
Ни повседневная забота,
Не затенили глаз его больших.
Он взял цветок,
Должно быть, для кого-то,
А может, так,
Для собственной души.
Не знала отродясь моя строка
Обыденней
И праздничней соседства:
Натруженная добрая рука
И лилия,
Прелестная, как детство.

НАДЕЖНОЕ СЛОВО

Из древних уральских руд
Когда —
Не скажу я точно —
Железное слово «труд»
Сработано было прочно.
Взвесив его в руках,
Прапрадед сказал сурово:
«Останется жить в веках
Надежное это слово.
Вместе с словами: мать,
Правда, народ, Россия —
Пойдет да пойдет шагать,
Всю кривду,
Все зло осия».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Завиднее доли не знаю	3
Отчизне	3
Урал	4
Гудки	4
«Не на глянцево-черной доске...»	5
Хлеб	6
О Ленине	6
Глиняные куклы	6
Тетя Настя	7
Первый концерт	8
Жар-птица	9
О мире	10
«Вдали от синих гор Урала...»	11
Минные поля	11
У могилы неизвестного солдата	11
Сахар	12
Старшой	13
Мальчишка	13
Космическая пыль	14
Чеканщик	14
Часовой мастер	14
Совсем, как в юности	15
«Пустынные земли безруки...»	15
Золотинка	16
Колосок	16
Мы ждали снега	17
Падун	17
Ангарск	18
Сарана	19
Сосна	19
Корабельный бор	20
Кольца	20
«Я свою лесную родину...»	21
Зима	21

Зимняя заря	22
Начало весны	22
Весенняя мелодия	22
Июль в тайге	23
«Играют лани на лугу в пятнашки...»	23
Осень	23
Минута	24
«На ночь горы сдвигаются ближе...»	24
«Что это...»	25
«У русских женщин есть такие лица...»	25
Называли брошенкой	25
«В саду, среди листвы зеленой...»	26
Русская девушка	27
Мама	27
Девчонке не спится	28
«В угодую женщине неумной...»	28
Зеленые костры	29
Лилия	29
Надежное слово	30

Людмила Константиновна Татьяничева.

БОР ЗВЕНИТ

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 10609. Подписано к печати 28/XI 1961 г. Тираж 150 000. Изд. № 2148.

Зак. № 2603. Формат бум. 70×108¹/₃₂. 0,5 бум. л.— 1,37 печ. л. Цена 4 коп.

**Ордена Ленина типография газеты «Правда»,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.**

Цена 4 коп.

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ
КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА,
выпущенная издательством
«Молодая гвардия»:

НИКОЛАЕВ Н., ПРУДКОВ О. Свободный ли это мир? 1960, 160 стр. Цена 15 коп.

ОРЛОВ В. Дорога длиною в 7 см. Репортаж, 1960, 128 стр. Цена 18 коп.

ТУПЧЕНКО Ю. Профессия получена в школе, 1959, 80 стр. Цена 7 коп.

ТУРСУНКУЛОВ Х. Дорогу осилит идущий, 1959, 352 стр. Цена 69 коп.

УЛЕСОВ А. А. Пути-дороги, 1959, 284 стр. Цена 57 коп.

ФИДЛЕР А. Горячее селение Амбинанителло, 1959, 216 стр. Цена 53 коп.

ФОМИЧЕВ Н. Н. Когда трогается лед, 1959, 144 стр. Цена 21 коп.

ХАЛДЕЕВ М., КОВАЛЕНКО Г. Ленинские принципы работы ВЛКСМ, 1959, 112 стр. Цена 10 коп.

Химики отвечают: «Есть», 1959, 126 стр. Цена 18 коп.

ШАХИМОРДИНОВ И. Х. На первом из семи рубежей, 1960, 30 стр. Цена 4 коп.

ШИШАКОВ В. Стража времени, 1960, 48 стр. Цена 8 коп.

ЭКОНОМОВ Л. Впереди спортсмены, 1960, 56 стр. Цена 5 коп.

ЭКОНОМОВ Л. Трассу ведет комсомол, 1959, 80 стр. Цена 8 коп.

ЮДЕНКОВ А. Ф. Шаги — в наше завтра, 1959, 72 стр. Цена 8 коп.

ЯКОВЛЕВ Ю. Молодой человек отправляется в путь, 1959, 50 стр. Цена 12 коп.

ЯКОВЛЕВ Е. Повесть, написанная под диктовку, 1960, 96 стр. Цена 15 коп.

ТРЕБУЙТЕ ЭТИ КНИГИ В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГА И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.

«СОЮЗКНИГА»